

Зао аюбуи кралоуи мура

Бастиан Цах – *Моим прапрадедушкам.*
И Сабине

Маттиас Бауэр – *Моим родным:*
Мони, Хане и Софи

ПРОЛОГ

*В*ремя пришло.

Пока я пишу эти строки, безумие царит на улицах Вены. Крики разносятся над городом и тонут в рокоте других голосов.

ИХ голосов.

Скоро они будут здесь. Наверное, так и должно быть, ведь это я навлекла на город ненастье.

Шаги во дворе. Я спрячу книгу в доме. Быть может, он найдет ее. Если он еще жив.

Они здесь... Господи, прости меня и не оставляй нас в этот трудный час.

*Элизабет Карфер
Вена, 1704 год от Рождества Христова*

ABITUS¹

¹ *Здесь: Уход (лат.).*

ТИРОЛЬ, 1704 ГОД
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Крестьянин повалился лицом в снег и хрипел, не в силах подняться. Удар пришел словно из ниоткуда. Не иначе, противник состоял в сговоре с дьяволом. А может, это сам дьявол явился за ним? Видит Бог, это было бы вполне заслуженно, подумалось крестьянину¹.

Голова гудела. Сквозь шумную пелену он слышал, как завывает ветер в ветвях, хлопает дверь, распахнутая сильным порывом. Как кричат вороны в ненастном небе.

«Падалыщики», — подумал крестьянин.

Не спешите улетать, тут будет чем поживиться.

Затем — неторопливые шаги по мерзлой земле. Крестьянин зажмурился, его парализовал страх. Шаги затихли, противник стоял прямо над ним. Гнетущая тишина окутала все вокруг.

Но ненадолго.

— А ты и не чаял снова увидеть меня?

Это голос. Спокойный, уверенный. Крестьянин хорошо его помнил, однако надеялся, что никогда больше его не услышит.

— Ну, хватит валяться!

¹ Здесь и далее: о всех более ранних событиях подробно рассказано в романе Б. Цаха и М. Бауэра «Morbus Dei. Зарождение».

Крестьянин с трудом перевернулся на спину. Снежные хлопья падали ему на лицо. Он медленно открыл глаза.

И с трудом различил над собой три фигуры: какая-то девушка, старик — и *он*.

Иоганн Лист.

«Уж лучше бы рогатый», — простонал про себя крестьянин. Затем осторожно сел, потрогал ушибленный затылок, поднял на Иоганна глаза и прищурился.

— Что тебе нужно?

— Мои деньги.

— Какие деньги? — Крестьянин украдкой нашарил короткий железный прут, висевший у него на поясе. — Не понимаю, о чем...

И вновь он был застигнут врасплох, не уловил движения — левую ногу вдруг пронзила резкая боль. Крестьянин, испуганно вскрикнув, увидел нож, вонзенный в бедро, острый, как осиное жало. Он узнал этот клинок с украшенной рукоятью — даже держал его в руках в свое время... Крестьянин потянулся за ним, но противник оказался быстрее: он без труда выдернул нож и приставил к его горлу.

— Нога заживет, горло — нет. Где мои деньги?

Крестьянин зажал рану рукой. Кровь протекала сквозь пальцы и впитывалась в снег. Он всхлипывал, издавая неразборчивые звуки.

Девушка шагнула к Иоганну.

— Это и впрямь так необходимо?

— Поверь мне, если б ты увидела то, что довелось увидеть мне, то потребовала бы его голову... Идите к саям, принесите вещи. Мы с ним скоро закончим.

С этими словами Лист поднял крестьянина за шкуру, точно мелкого щенка, и потащил к двери. Через мгновение они скрылись в полумраке дома.

* * *

Запах старого крестьянского дома сразу ударил в нос — застоявшийся воздух вперемешку с порченной едой и плесенью.

Как тогда, в камерах.

Иоганн невольно скривился.

— Ты хоть раз проветривал эту дыру с тех пор, как я убрался отсюда?

— Зачем? Так хотя бы болезни внутрь не попадут.

Скривившись от боли, крестьянин заковылял быстрее, но Лист снова ухватил за шиворот.

— Не так быстро! Спешка — мать всех пороков.

Крестьянин замедлил шаг и послушно провел Иоганна по грязному коридору с грубо оштукатуренными стенами. Низкий потолок держался на мощных почерневших балках, двери в комнаты были закрыты. Окна, похожие скорее на бойницы, едва пропускали свет. Толстые стены заглушали всякий шум, и было тихо. Слишком тихо, подумал Иоганн. Гнусный запах и темнота навевали мысли о склепе.

Одна из дверей оказалась открыта. Лист заметил в комнате простую кровать, застеленную свежим бельем.

— Ты ждешь гостей?

— Да. Французскую служанку, если ты не против.

Иоганн перехватил нож.

Крестьянин хмуро пожал плечами.

— Раз в пару лет прибывает какой-то священник. Проводит ночь и идет себе дальше, черт его знает куда... Платит хорошо, так что я вопросов не задаю.

— Чтобы кто-то живым ушел с твоего двора, это что-то новое... — Иоганн мрачно улыбнулся. — Не считая меня, конечно.

Крестьянин взглянул на него с недоумением.

– Что ты хочешь этим...

Лист грубо толкнул его в спину.

– Шагай дальше, так хоть врать не придется.

Крестьянин прошел на кухню без окон, где пламя в открытом очаге служило единственным источником света. Стояла нестерпимая вонь. Пол был покрыт навозом и грязью. Повсюду лежали остатки еды и куриные перья. По черным от копоти стенам ползли глубокие трещины.

Крестьянин подошел к очагу, вынул горящую щепку и зажег масляную лампу. Он заметил, как Иоганн оглядел кухню и брезгливо поморщился.

– Что тебе не нравится? Видал места получше?

– Неудивительно, что свинья вроде тебя обитает в такой дыре. Но свинья ты далеко не бедная, верно? – Иоганн пристально смотрел на крестьянина.

– У меня нет денег. Только твои, да и к тем я не приронуся.

Они стояли друг напротив друга, и отсветы пламени плясали по их лицам. Дрова потрескивали в огне, и слышно было, как ветер завывает где-то вдали.

– Зимой их и тратить особо не на что, – заметил Лист и холодно усмехнулся.

– Непростой выдался год, это правда. У меня ни гроша не осталось, вот я и взял твои деньги. Если я их... – крестьянин прокашлялся, чтобы голос не так дрожал. – Если я их верну тебе, мы квиты?

– Там видно будет.

– Но...

– Шагай!

Крестьянин вошел в кладовую, поставил лампу и наклонился к железному кольцу, вделанному в пол. Не-

сколько лежалых буханок хлеба, пара мешков плесневелого картофеля — больше в кладовой ничего не было.

Крестьянин с силой потянул за кольцо и поднял крышку. Взору открылся черный провал. Оттуда тянуло еще более спертым воздухом, и стоптанные ступени уходили во тьму.

— После тебя, — сказал крестьянин.

Иоганн без лишних слов схватил его и толкнул в черную пустоту. Крестьянин скатился по лестнице. Послышался глухой удар и громкий крик — очевидно, он упал на раненую ногу.

«То-то же», — подумал Лист. Затем взял лампу и стал медленно спускаться во тьму.

II

Подвал размером оказался примерно с кухню. Но, в отличие от верхних комнат, здесь царил почти идеальный порядок: глинобитный пол сверкал чистотой, и каменные плиты на стенах были гладкие, словно отполированные. Между плитами был установлен массивный крест из черного глянцевого дерева. В пустой комнате он приковывал к себе все внимание, и ощущалось во всем этом что-то зловещее.

Воздух был сырой и тяжелый, Иоганн едва мог дышать.

Крест был покрыт ржаво-красными брызгами, как и плиты вокруг него. Лист провел по ним рукой, ощутил шероховатости, тонкие борозды — как царапины...

Он медленно повернулся к крестьянину.

— Ты спускал их сюда, прежде чем убить?

— Убить? О чем ты говоришь?

По неуверенной ухмылке Иоганн распознал ложь.